

В. О. Зверев

Морская контрразведка Российской империи на Балтике в 1914–1918 гг.: история создания и ликвидации

В последние десятилетия в российской историографии возрождается интерес к истории отечественных органов государственной безопасности. Открываются неизвестные ранее страницы деятельности царской (военной) контрразведки, относящиеся к началу XX в.¹ Между тем незаслуженно забытыми остаются отдельные отрезки прошлого подразделений морского ведомства, призванных сыграть ключевую роль в обеспечении контрразведывательного прикрытия Российского Императорского флота.

Восполняя образовавшийся пробел в научных знаниях, позволим себе выйти за хронологические рамки заявленной темы и упомянуть о статусе Санкт-Петербурга в реализации морской реформы (в период с 1907 по 1914 г.), а также некоторых результатах работы германской разведки, ослабивших морскую обороноспособность русских на стадии ее укрепления.

После поражения России в войне с Японией главный город государства с расположенными в нем представительными органами власти, управления Морского министерства, судостроительным и военным производствами, научно-исследовательским и опытно-экспериментальным комплексом, стал общероссийским центром модернизации флота (в том числе, для Балтики).

Повышение боеспособности Балтийского флота стало предметом пристального внимания разведывательных органов Германии и одним из приоритетных направлений их усилий, имевших определенный успех.

В 1907 г. немцы получили копию законопроекта «Малой судостроительной программы» России². Столь важный документ позволил им составить представление о ее будущем флоте: стоимости, количестве эскадр, численности и классе надводных и подводных

***Зверев Вадим
Олегович,***
*кандидат
исторических
наук, доцент,
Омская
академия
МВД России
(Омск)*

кораблей задолго до его рассмотрения в закрытом заседании комиссии по государственной обороне Государственной думы и утверждения Николаем II.

Другим достижением германской агентурной разведки стало хищение в 1913 г. секретных материалов о 12 подводных лодках и 14 эскадренных миноносцах, возводившихся на частных судостроительных заводах в Риге и Либаве³.

Наряду с усилиями агентуры, заметный интерес к морской сфере русских проявляла дипломатическая разведка немцев. Морские атташе в составе посольства Германии в Санкт-Петербурге, настойчиво добивались разрешения на осмотр его судостроительных заводов. 14 февраля 1911 г. после неоднократных аудиенций у морского министра И. К. Григоровича барон Г. фон-Кайзерлинг получил его согласие на посещение Балтийского, Адмиралтейского, Обуховского и Путиловского заводов⁴.

Целью подобных визитов становился сбор несекретных сведений о производственном потенциале, количестве и качестве выпускаемых изделий, в первую очередь, кораблей. Наблюдение и общение с персоналом позволяли сделать заключения об их огневой мощи, скорости хода, плавучести, водоизмещении, маневренности, дальности плавания и иных мореходных качествах. Обобщая накопленные эпизодичные знания и сопоставляя их с уже имеющимися данными о «Малой судостроительной программе», можно было сформировать объективное представление о боеспособности обновленного русского флота в условиях военных действий на море.

Как отреагировала власть на военно-разведывательное вмешательство извне?

Ввиду отсутствия в государстве органов по борьбе с иностранной морской агентурой, 1 января 1914 г. морской министр был вынужден обратиться к военному министру В. А. Сухоминову с просьбой об усилении деятельности военной контрразведки «по борьбе со шпионажем на флоте и обслуживающих Морское ведомство заводах»⁵.

Меры, вскоре предпринятые военными, которые имели слабое представление о специфике морской службы, особенностях работы главных морских управлений, судостроительных заводов, портов и т. д., а значит, целях, задачах и методах морской разведки противника, не всегда были своевременными и квалифицированными, дававшими результат.

С приближением Первой мировой войны ощущалась острая нехватка специальных органов контрразведки в составе Морского министерства. Однако их формирование, требовавшее, прежде всего, инициативы и настойчивости со стороны руководства Морского генерального штаба (далее — МГШ), собственного кадрового ресурса, политической воли морского министра, и уж затем — финансовых отчислений и организационных усилий, растянулась на четыре года (четыре этапа).

1 этап (8 мая 1914 г. – 1 августа 1914 г.) — создание отделения морской разведки/контрразведки мирного времени

Прежде оговоримся, отдельные ученые считают датой рождения морской контрразведки конец 1915 г. Например, А. А. Зданович утверждает, что накануне и в первый год

войны Россия не имела органов морской контрразведки⁶. Это суждение неточно. Оказавшаяся в нашем распоряжении Секретная инструкция заведующему Особым делом производством МГШ (документ Российского государственного архива военно-морского флота), позволила скорректировать хронологию спорного вопроса и убедиться в том, что история флотской контрразведки берет свое начало в мирное время.

В мае 1914 г. приказом начальника МГШ вице-адмирала А. И. Русина в рамках этого ведомства было создано «опытное» отделение разведки/контрразведки — Особое дело производства. В него вошли заведующий капитан 2-го ранга М. И. Дунин-Барковский и три офицера-делопроизводителя.

Наряду с решением задач разведывательного характера, согласно Секретной инструкции заведующему Особым делом производством МГШ от 8 мая 1914 г. на новый орган впервые возлагалась организация практических мер по борьбе с иностранным шпионажем на «флоте и в Морском министерстве». Параграф 9 инструкции, в частности, гласил: «Задания по контр-разведке и результаты ее работы вписываются в вестующийся в Особом делом производстве “Журнал заданий и результатов работы контр-разведки”»⁷.

По образцу сформированных в 1911 г. военно-окружных контрразведывательных отделений (далее — КРО), морская разведка/контрразведка учреждалась и действовала в условиях абсолютной тайны. Такая мера предосторожности, с одной стороны, препятствовала проникновению в Особое дело производства агентов иностранных держав и сохраняла превентивный характер его деятельности. С другой, депопуляризировала идею борьбы со шпионами и лишала контрразведчиков поддержки морской среды (моряков) и широких слоев населения.

Значительный объем времени и усилий сотрудников Особого дело производства МГШ тратился на переписку по вопросам иностранного шпионажа на море. Анализ десятков донесений, поступавших из КРО Военного министерства и Департамента полиции, а также ответов на них, показал, что в большинстве своем они носили общий информативно-уведомительный или информативно-ознакомительный характер, и не предусматривали конкретных (совместных) мероприятий по выявлению шпионов.

С началом войсковых операций на фронте, ориентированное на условия мирного времени, не успевшее накопить ни знаний, ни практического опыта, малочисленное флотское подразделение не представляло опасности для вражеских разведок. Немногие руководители МГШ понимали, что в морской сфере России необходимо создавать систему контрразведывательных подразделений (и в первую очередь, на Балтике), способных незамедлительно и профессионально реагировать на внешние угрозы в обстановке войны.

Однако, ввиду отсутствия в бюджете Морского министерства на 1914 г. дополнительных ассигнований на «секретные расходы» (в части организации борьбы со шпионажем), необходимые меры по созданию морской контрразведывательной службы предприняты не были.

II этап (сентябрь 1915 г. – начало 1916 г.) — создание центрального аппарата морской контрразведки военного времени

В конце сентября 1915 г. И. К. Григорович вновь обратился к военному министру, но уже с предложением «выделить морскую контрразведку в особую организацию»⁸. К своему письму он приложил разработанный в МГШ проект «Положения о морских контрразведывательных отделениях» для его рассмотрения в военном ведомстве. Согласно данному документу, который аккумулировал в себе ценные наставления из «Положения о военной контрразведке», перед новыми органами ставилась задача борьбы с морским шпионажем и «вообще воспрепятствование тем мерам иностранных государств, которые могут вредить интересам морской обороны империи»⁹.

Ознакомившись с текстом, военный министр А. А. Поливанов счел преждевременным и нецелесообразным создание самостоятельных подразделений по борьбе с морской агентурой иностранных держав, на предложенных условиях. Один из его доводов сводился к недопустимости «преувеличенной» свободы действий начальников морских КРО. Предлагалось ограничить такие их полномочия, как право вести переписку со всеми армейскими, флотскими властями, правительственными учреждениями, минуя начальника МГШ и морского министра¹⁰.

Возможно, учесть высказанные замечания при доработке проекта положения не позволили субъективные причины (амбиции морского министра и конфликтный характер его отношения к военному министру). Однако создание флотской контрразведки в России уже зависело не столько от обстоятельного нормативно-правового обеспечения ее основ, сколько от необходимости принятия экстренных контрмер по воспрепятствованию деятельности агентуры противника. «В настоящее время иностранный шпионаж получил настолько большое развитие, — писал М. И. Дунин-Барковский, — что уже решен вопрос о создании целой организации, под руководством МГШ, для ведения борьбы с иностранным морским шпионством»¹¹.

8 февраля 1916 г. Адмиралтейств-Совету Морского министерства за подписью вице-адмирала А. И. Русина был представлен обновленный проект штата Особого делопроизводства МГШ. В его структуру уже вошли три разведывательных отделения (на Балтийском, Черноморском и Тихоокеанском театрах военных действий) и одно контрразведывательное — морская регистрационная служба (далее — МРС)¹².

После одобрения штатного расписания представительным собранием и утверждения царем, в России был учрежден центральный аппарат морской контрразведки. К исполнению своих должностных обязанностей приступили: начальник Особого делопроизводства МГШ, капитан 2-го ранга М. И. Дунин-Барковский, ответственные за морскую контрразведку — начальник МРС, капитан 2-го ранга В. А. Виноградов; его помощник лейтенант С. С. Калакуцкий, а также офицеры-делопроизводители — старший лейтенант М. М. Поггенполь, лейтенант Р. А. Окерлунд и лейтенант С. А. Чабовский¹³.

На нужды Особого делопроизводства (и лишь отчасти — контрразведки) в текущем году было выделено 40 955 руб. Столь мизерный кредит был рассчитан на выпуск и перевод иностранных книг и журналов, командировки сотрудников, их денежное содержание. Ежегодный заработок начальника МРС составил 3 750 руб. О размере этой суммы можно судить после сопоставления ее с аналогичным индексом в армейской контрразведке. Например, глава петербургского городского КРО зарабатывал 5 800 руб. в год¹⁴.

Причина непропорциональной оценки труда была обоснованной. С первых дней войны главной ареной противостояния враждующих держав стали не морские просторы, как предполагали высшие чины МГШ. Основные сражения развернулись на суше. С перемещением всей тяжести боев на плечи военных увеличилась и нагрузка на армейскую контрразведку, что предусматривало значительное повышение жалования ее сотрудников.

После завершения организационно-штатного построения и финансирования МРС, она приступила к решению следующих задач: «передача новых заданий отделениям морской контрразведки; составление указаний по военной цензуре телеграмм, почтовых отправок и периодических изданий, пересмотр корреспонденций военнопленных моряков; наблюдение за частными радиостанциями и разрешение въезда (выезда) в Россию иностранцам»¹⁵.

Из этого перечня видно, что центральный аппарат морской контрразведки, наряду с организацией работы по пресечению деятельности шпионов на территории страны, отвечал за выявление разведывательных центров противника за ее пределами. Ведение агентурной работы возлагалось на подведомственные МРС территориальные подразделения, важнейшие из которых находились на Балтике.

III этап (середина 1916 г. – конец 1916 г.) — создание подразделений морской контрразведки на Балтийском театре военных действий

Первым было сформировано петроградское морское контрразведывательное отделение (далее — ПМКРО). Приказом по флоту и морскому ведомству от 21 июля 1916 г. его возглавил жандармский полковник И. С. Николаев, переведенный в Морское министерство «с зачислением по Адмиралтейству, тем же чином, с назначением во 2-й Балтийский флотский экипаж и прикомандированием в МГШ для занятий»¹⁶.

Решение о назначении начальником столичной контрразведки опытного «агентуриста», с одной стороны, было закономерным. Оно было продиктовано отсутствием у моряков специальных знаний и умений в деле розыска. С другой, перемещение чинов из Департамента полиции в Морское министерство было скорее исключением из правил, и в большинстве своем не приветствовалось высшим морским командованием. Корпус морских офицеров — элита царских вооруженных сил — испытывал нескрываемое отвращение к «грязному ремеслу» жандармов. В этой связи начальник Главного морского штаба вице-адмирал К. В. Стеценко, соглашаясь с назначением полковника И. С. Николаева, тактично заметил,

что подобные переводы «вообще нежелательны, так как особая присяга, принимаемая жандармскими офицерами, не подходит к военной этике морских офицерских чинов»¹⁷.

К концу года было завершено формирование еще шести КРО. Одно из них осуществляло тактическое руководство борьбой со шпионажем на Балтике (начальник — подполковник А. Н. Нордман), и находилось при штабе командующего Балтийским флотом. Другие были исполнительными органами, располагавшимися при штабах Свеаборгской крепости (начальник — прапорщик И. К. Симонич) и морской крепости Императора Петра Великого (начальник — старший лейтенант С. С. Калакуцкий), а также при Або-аландской (начальник — корнет Н. И. Гришковский), Моодзундской (начальник — ротмистр П. М. Чаркин) укрепленных позициях и в Ботническом заливе (начальник — капитан 2-го ранга А. Н. Гавришенко)¹⁸.

Примечательно, что из указанного руководящего состава контрразведки лишь три офицера (А. Н. Нордман, С. С. Калакуцкий и А. Н. Гавришенко), судя по их профессиональному прошлому и чинам, были кадровыми моряками, остальные же считались прикомандированными к экипажам Балтийского флота из политической полиции. Отождествление противодействия шпионажу с сыском, — делом низким и недостойным чести морского офицера, — стало непреодолимым препятствием на пути комплектования морской контрразведки кандидатами из Морского министерства. Многие из них были глубоко убеждены в том, что высшее предназначение морского офицера, его патриотический долг, — отдать жизнь за царя и Отечество в открытом бою с неприятелем, а не «тайно шпионить, отсиживаясь в тылу».

Недостаток специальных знаний в военно-морском деле (сфера компетенции морской агентуры противника и специфика ее выявления) у многих руководителей территориальных отделений морской контрразведки не мог не отразиться на уровне их компетентности в решении служебных задач.

IV этап (1917–1918) — совершенствование профессионализма морской контрразведки и ее ликвидация

С возникновением контрразведывательных структур на Балтийском театре военных действий и других рубежах морской обороны России появилась потребность в обучении флотских чинов основам контрразведывательного искусства и координации их действий с армейскими КРО.

При Главном управлении генерального штаба (далее — ГУГШ) Военного министерства были сформированы очередные курсы «по контр-разведывательной службе». В течение 28 дней курсанты (в том числе, моряки) овладевали тактикой и техникой обнаружения и задержания шпионов. Это был важный шаг на пути взаимопонимания и взаимодействия военных и морских структур в рамках зарождения профильного образования и создания целостной системы противодействия шпионажу в стране.

10 февраля 1917 г. по инициативе руководителя отдела генерал-квартирмейстера ГУГШ генерал-лейтенанта П. И. Аверьянова и исполняющего должность начальника МГШ

графа А. П. Капнистра состоялось межведомственное совещание специалистов Военного и Морского генеральных штабов. Его участники пришли к выводу о необходимости разработки нормативного документа, который бы регламентировал усилия чинов контрразведки Военного и Морского министерств по процедурам розыска шпионов и предварительного расследования, возбужденных в отношении них дел. Подготовительная работа была поручена военным.

27 апреля итогом творчества специально созданной комиссии ГУГШ стал проект «Временного положения о правах и обязанностях чинов сухопутной и морской контрразведывательной службы по производству расследований» (далее — «Временное положение»), который немедленно был направлен в МГШ для согласования.

Как следует из данного документа, задача, поставленная перед российскими контрразведчиками, заключалась в принятии «всех зависящих от них мер к обнаружению неприятельских шпионов и их организаций, а также лиц, которые своей деятельностью могут способствовать или благоприятствовать неприятелю в его военных, либо иных враждебных действиях против России и союзных с нею государств»¹⁹.

По смыслу эта задача имела три отличия от задачи, стоявшей, к примеру, перед отделениями морской контрразведки в 1915 г. Во-первых, ее обновленная редакция предполагала расширенный, четко сформулированный и ясный руководителям КРО и их подчиненным, а также исполнительным, судебным инстанциям и населению, понятийный аппарат. Наряду с термином «шпион» появляются такие категории, как «организация», то есть резидентура (орган, направляющий работу агентурной сети) и «лица, которые... могут способствовать, или благоприятствовать неприятелю в его... враждебных действиях против России...», то есть сообщники военных преступников. Конкретизация правовой нормы позволяла точно квалифицировать состав преступления, что упрощало процедуру предварительного следствия и судебного разбирательства. Во-вторых, она предусматривала исполнение союзнических обязательств вооруженными силами России, как и их составной частью — службой морской контрразведки. Причем данной составляющей в работе контрразведки придавалось немаловажное значение. И, в-третьих, задача, поставленная перед царской контрразведкой в конце войны, отличалась своей схематичностью и недальновидностью ее авторов с точки зрения будущих интересов России. Если до недавних пор, как было указано выше, морская контрразведка противостояла «морскому шпионажу иностранных государств», то теперь обнаруживала лишь «неприятельских шпионов и их организации». Столь избирательный и политизированный подход заставил на время «закрывать глаза» на разведывательную деятельность в России дружественных ей держав (Великобритании и Франции). Притупление бдительности могло повлечь не только утрату отдельных военных секретов, но и способствовать созданию целостного представления о политическом и социально-экономическом кризисе в стране, что было так важно для ее последующего ослабления.

Напомним, спустя год, во время Гражданской войны, оперируя донесениями своей агентуры, недавние союзники начали открытую интервенцию против советской России.

«Временное положение» не только расширило перечень прав и обязанностей сотрудников контрразведки в годы войны, но и установило некоторые правовые пределы их полномочий. Например, оговаривались сроки содержания задержанных лиц «под стражей» и условия, влияющие на их продление (§ 7, 11). Между тем некоторые положения носили явно противоречивый характер. Так, осталось непонятным, какому органу власти все же вменялись разработка и непосредственное задержание потенциальных шпионов. С одной стороны, видно, что начальники КРО и их помощники имели право подвергать «предварительному аресту» подозреваемых в шпионаже лиц (§ 2), а также производить в отношении их обыски, выемки, опросы. Тогда как «чины местной милиции или соответствующих ей органов» привлекались лишь для содействия контрразведке (§ 5). С другой стороны, в § 10 четко оговорено, что требование о задержании «должно быть обращено к чинам милиции или соответствующим ей органам», и лишь при отсутствии таковых задержание может быть произведено чинами контрразведывательной службы. Следствием неточных, нередко, взаимоисключающих наставлений могла быть организационная неразбериха на местах, одним из проявлений которой становился параллелизм и контрпродуктивность действий независимых друг от друга государственных органов власти.

17 июня 1917 г. «Временное положение о правах и обязанностях чинов сухопутной и морской контрразведывательной службы по производству расследований», после одобрения в МГШ, было утверждено председателем Временного правительства князем Г. Е. Львовым и замещающим должность военного министра полковником Г. А. Якубовичем²⁰.

Этот нормативно-правовой акт стал первым и единственным в царской контрразведке общим руководством к действию для военных и моряков, имевшим важное историческое значение. Контрразведка становилась не столько органом власти, локально действовавшим в сфере ответственности конкретного министерства, сколько функцией государства по обеспечению интересов его внешней безопасности.

Однако возвести в ранг первоочередных задач государства идею борьбы со шпионажем, так же как и надеяться на практическую реализацию «Временного положения», не позволили новые реалии времени.

Свершившаяся Февральская революция поставила вне закона многие институты самодержавия. Департамент полиции и Отдельный корпус жандармов прекратили свое существование. Увольнения и преследования коснулись не только находившихся на службе чинов полиции, их агентов, но и бывших жандармских офицеров, прикомандированных к Морскому министерству. 26 апреля 1917 г. от занимаемой должности был отстранен начальник петроградского отделения морской контрразведки И. С. Николаев. Такая же участь постигла и других его сослуживцев.

К концу 1918 г. была ликвидирована морская регистрационная служба МГШ. Ее руководство, не поддержавшее большевизм, начало сотрудничать с английской разведкой. Они создали конспиративную организацию под кодовым названием «ОК», в арсенал которой входили политические, террористические, диверсионные и иные методы реагирования, призванные подорвать насаждавшийся в стране режим. Однако вскоре ее деятельность раскрыли сотрудники ВЧК, и всех входивших в нее морских офицеров арестовали.

После непродолжительного следствия Верховный трибунал Совнаркома РСФСР вынес постановление, согласно которому руководитель «ОК» Р. А. Окерлунд подлежал расстрелу, его заместитель В. А. Виноградов и ряд других заговорщиков — отбыванию разных сроков наказания в концентрационных лагерях. Приговор был приведен в исполнение²¹.

К судьбам других моряков, возглавлявших борьбу со шпионажем в империи, революционная фемида была столь же беспощадна. В октябре 1918 г. в Железноводске удерживали в заложниках А. П. Капнистра. Спустя некоторое время, в ответ на убийство ряда советских лидеров, его расстреляли. По подозрению в антиправительственной деятельности взяли под стражу и поместили в концентрационный лагерь М. И. Дунина-Барковского; за причастность к подпольной организации «Великая единая Россия», поддерживавшей Белое движение, задержали и казнили А. Н. Гавришенко.

Так скоротечно, бесславно и трагично закончилась история морской контрразведки Российской империи на Балтике (Балтийском театре военных действий).

¹ См., например: *Шелухин А. Ю.* Разведывательные органы в структуре высшего военного управления Российской империи начала XX века (1906–1914) // Вестник Московского университета. Сер. 8. Истор. 1996. № 3; *Яковлев Л. С.* Контрразведка России накануне и в годы Первой мировой войны // Материалы исторических чтений на Лубянке. 1997 г. Российские спецслужбы: История и современность. М.; В. Новгород, 1999; *Греков Н. В.* Русская контрразведка в 1905–1917 гг.: шпиономания и реальные проблемы. М., 2000; *Кирмель Н. С.* Организация русской контрразведки и ее борьба с японским и германским шпионажем в Сибири (1906–1917 гг.): Дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 2000; *Зверев В. О.* Противодействие германскому военно-промышленному шпионажу в Санкт-Петербурге накануне Первой мировой войны. Омск, 2008; и др.

² См.: *Резанов А. С.* Немецкое шпионство (книга составлена по данным судебной практики и другим источникам). М., 1915. С. 206.

³ Российский государственный архив военно-морского флота (далее — РГА ВМФ). Ф. 418. Оп. 2. Д. 61. Л. 11.

⁴ Там же. Ф. 417. Оп. 1. Д. 4156. Л. 18.

⁵ Там же. Д. 115. Л. 1, 3.

⁶ *Зданович А. А.* Организационное строительство отечественной военной контрразведки (1914–1920 гг.): Дис. ... канд. ист. наук. М., 2003. С. 47–48.

⁷ РГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 2. Д. 62. Л. 4.

⁸ Российский государственный военно-исторический архив (далее — РГВИА). Ф. 2000. Оп. 16. Д. 633. Л. 1.

⁹ См.: *Зданович А. А.* Для борьбы с военно-морским шпионством // Военно-исторический журнал. 1999. № 6. С. 35.

¹⁰ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 16. Д. 1048. Л. 3.

¹¹ РГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 2. Д. 62. Л. 36.

¹² Там же. Л. 38.

¹³ См.: Список личного состава судов флота, строевых и административных учреждений Морского ведомства (испр. по 11 апреля 1916 г.). Пг., 1916. С. 112, 208.

¹⁴ См.: *Зверев В. О.* Противодействие германскому военно-промышленному шпионажу в Санкт-Петербурге накануне Первой мировой войны. С. 74.

¹⁵ РГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 2. Д. 62. Л. 116.

¹⁶ Там же. Д. 117. Л. 20.

¹⁷ Там же. Л. 8.

¹⁸ Там же. Д. 114. Л. 186.

¹⁹ Там же. Л. 71.

²⁰ Там же. Д. 114. Л. 201.

²¹ См.: Верховный трибунал // Известия ВЦИК. 1919. № 76 (628). С. 1–4.

Zverev V. O. Naval Counter-Intelligence in Russia (The Baltic. 1914–1918): Creation and Dissolution

ABSTRACT: In the article for the first time an attempt is made to reconstruct the main stages of the creation of agencies of naval counterintelligence on one of the most crucial sectors of the country's naval defense — the Baltic sea. The article considers not only the organizational and staff structure of these agencies, development of the legal basis of their activities and the formation of the first counterintelligence courses, but also the tragic end of the short history of the naval counterintelligence of the autocratic regime.

KEYWORDS: defense industry, German secret-service intelligence, naval counterintelligence, naval general staff.

AUTHOR: Ph. D. in History, Associate Professor, Omsk MVD Academy (Omsk); zverevoma@mail.ru

REFERENCES:

¹ *Shelukhin A. Iu.* Razvedyvatelnye organy v strukture vysshego voennogo upravleniia Rossiiskoi imperii nachala XX veka (1906–1914) // Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 8. Istor. 1996. N 3.

² *Iakovlev L. S.* Kontrrazvedka Rossii nakanune i v gody Pervoi mirovoi voiny // Materialy istoricheskikh chtenii na Lubianke. 1997 g. Rossiiskie spetssluzhby: Istorii i sovremennost. Moscow-Velikiy Novgorod, 1999.

³ *Grekov N. V.* Russkaia kontrrazvedka v 1905–1917 gg.: shpionomania i realnye problemy. Moscow, 2000.

⁴ *Kirmel N. S.* Organizatsiia russkoi kontrrazvedki i ee borba s iaponskim i germanskim shpionazhem v Sibiri (1906–1917 gg.): Dis. ... kand. ist. nauk. Irkutsk, 2000.

⁵ *Zverev V. O.* Protivodeistvie germanskomu voenno-promyshlennomu shpionazhu v Sankt-Peterburge nakanune Pervoi mirovoi voiny. Omsk, 2008.

⁶ *Rezanov A. S. Nemetckoe shpionstvo (kniga sostavlena po dannym sudebnoi praktiki i drugim istochnikam). Moscow, 1915.*

⁷ Russian Navy State Archive.

⁸ *Zdanovich A. A. Organizatcionnoe stroitelstvo otechestvennoi voennoi kontrrazvedki (1914–1920 gg.): Dis. ... kand. ist. nauk. Moscow, 2003.*

⁹ Russian Military and Historical Archive.

¹⁰ *Zdanovich A. A. Dlia borby s voenno-morskim shpionstvom // Voенно-istoricheskii zhurnal. 1999. N 6.*

¹¹ *Spisok lichnogo sostava sudov flota, stroevykh i administrativnykh uchrezhdenii Morskogo vedomstva (ispr. po 11 apreliа 1916 g.). Petrograd, 1916.*

¹² *Izvestiia VTСIK. 1919. N 76 (628).*